

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ

СИБИРСКИЙ ПРЯНИК

СКАЗКИ

44

«АЛКОНОСТ»

ПЕТЕРБУРГ

1919

ИЗДАТЕЛЬСТВО „АЛКОНОСТ“

**КОЛОКОЛЬНАЯ, 1.
ТЕЛЕФОН 2-24-08.**

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ

СИБИРСКИЙ ПРЯНИК

БОЛЬШИМ И ДЛЯ МАЛЫХ РЕБЯТ

==== СКАЗКИ =====

«АЛКОНОСТ»
ПЕТЕРБУРГ

1919

**15-я Государственная типография
Петроград, Звенигородская, 11**

П О С В Я Щ А Ю

С. П. Ремизовой-Довгелло.

с издание печатано в количестве 3.000 экземпляров
Обложка по эскизу АЛЕКСЕЯ РЕМИЗОВА.

СИБИРСКИЯ СКАЗКИ

ПРО КРОТА И ПТИЧКУ

ЯКУТСКАЯ.

Положили уговор крот и птичка: крот обещался пустить зимою птичку в свою нору и поделиться от своих запасов, птичка обещалась, когда по весне вода зальет кротову нору, пустить к себе крота в гнездо на корм и отдых.

Пичужка сдержала слово. И крот из всей добычи выбирал только то, что по душе ему было. Так дружно провели они весну и лето.

Осенью, еще до снега, крот, по уговору, пустил птичку в свою нору, но кормил ее отбросом, больше корешками, и изголодавшейся птичке грозило помереть бедной смертью.

В отчаянии, не видя выхода, воскликнула несчастная птичка:

— Как это так! Я тебе отдавала одно только лакомое, а ты — что негоже. На будущий год — врозь!

— Тварь неблагодарная! Ты расточала всю эту мою запасы и ты еще смеешь!

И крот когтями ударил по темени птичку.

С той поры и летает над землею птичка —
красавый королек, а крот каждую весну, как
только вода залет его нору, выходит на
холмик и сидит под ивой, дрожа.

СТОЖАРЫ.

ЯКУТСКАЯ.

Говорит однажды богатый Кудунгса, по прозвищу Огненный рот, старому своему шаману Чакхчыгыс-таасу, что значит Трескучий камень.

— Эй, ты, старый хрыч, откуда берется зимняя стужа?

— А! — отвечает шаман, — это дыхание той вон звезды, что огнем бороздит небеса.

— Эй, ты, ну, конечно, надо разрубить ее нить.

— А! — отвечает шаман, — конечно, я постараюсь, только надо мне два хороших топора.

И по слову Кудунгса дали шаману два крепких роговых топора.

•

Пятого дня новой половины месяца Сосны, по нашему на Ивана Купала, шаман камляет.

Он велел закрыть окна и двери, строго на строго запретил, — даже носа не смей

высовывать наружу! Двум крепким детинам приказал попеременно разжигать огонь. А сам надел волчью доху, шапку с рогом, туго завязал себе рот.

И семь дней и семь ночей без устали камлает шаман.

Нечем дышать от жары, а нет места на нем — весь покрыт инеем, и сосульки текут, леденея. На руках его рукавицы из передних лапок волка, а палец мерзнет, как сук. Топоры же его, роговые, от лезвия и до проуха, затупляясь, стираются.

И каждый раз, как ударит шаман топором, огонь звезды с шумом и брызгом рассыплется.

Семь дней и семь ночей рубил шаман и расколол большую звезду на семь звезд.

Стуча громко в бубен, шумно нисходит шаман на землю.

И ропщет, указывая на хлевное окно:

— Негодная баба высунула харю, и потому не осилил звезду. Однако-ж месяца на два я убавил морозу.

С той поры студеные стожары из звезды, подобной луне полнолуной, на семь звезд раскололись, как огни из большого огнива.

СЕРКЕН-СЕХЕН.

ЯКУТСКАЯ.

Вещун земли и мира,
добрый советчик богатирей,
сын старой царицы Тынгырыын,
а по отцу из рода Одун, — Ревущий.
Штаны на нем — брюшко синей белки,
шуба — беличья спинка,
пояс — белби обрезки,
шапка — белый затылок,
навески — белби ушки,
шейный кушак — белби хвосты,
сапоги — белби задние лапки,
рукавицы — передние беличьи лапки,
посох — костяная трава.

А дом его — на розстани дорог — пенёк дупли-
стый.

А жена его старуха — от уха до бровей семь
заплатков.

Сам с ноготок,
борода по пупок,
голени — деньги,
руки-ноги — усики.

А звать-позывать вещуна:

Дедко
Серкен-Сехен!

С У Д Ь Б А.

КАРАГАЗСКАЯ.

Жил в своей юрте один бедняк Тутарь. Оленей у него было мало, юрта старая, и ни одна кыс (девушка) не хотела выйти за него замуж.

Горько задумался Тутарь о своей горькой доле и решил: продаст он оленей, юрту и займется торговлей.

И распродал Тутарь добро, выехал к русским в деревню, купил три коня и товару на три коня. Навьючил коней и назад в тайгу торговать.

Первую ночь заночевал Тутарь в тайге. А ночью волк задавил коня и разбросал товар. Встает по утру Тутарь: конь задавлен, товар испорчен, и тут же волк стоит, смотрит.

Рассердился Тутарь, взял ружье, застрелить хотел волка. А волк стоит, зубы оскалил, хвостиком машет, смотрит.

«Нет, не буду стрелять!» — подумал Тутарь.

И собрал он остальных коней и поехал дальше.

На вторую ночь волк опять задавил коня и товар испортил, а сам не уходит.

Еще больше рассердился Тупарь, прицелился в волка. А волк стоит, зубы оскалил, хвостиком машет, смотрит.

«Нет, не буду стрелять!»

И поехал Тупарь дальше уж с одним конем.

А в третью ночь волк задавил последнего коня и весь остальной товар испортил.

Тут уж Тупарь себя не помнит, схватил ружье, прицелился, только вот собачку нажать. — А волк стоит, зубы оскалил, хвостиком машет.

И опустил Тупарь ружье.

«Нет, не буду стрелять!»

Тогда волк подошел совсем близко и говорит по-человечьи:

— Ты — добрый человек, Тупарь, иди назад в свою юрту, будет у тебя всего много — и оленей и зверя много добудешь.

И пошел.

А был этот волк сама судьба: не хотел, видно, Бог, чтобы Тупарь купцом стал.

Бросил Тупарь торговлю и спал жить опять в своей юрте, и всего у него стало много — богатым человеком сделался Тупарь.

ТРИ БРАТА.

КАРАГАЗСКАЯ.

На Уде реке, повыше Буртуш-айа, естѣ небольшое озеро — естѣ ли оно там еще или нет, не знаю. А когда ни души еще не было на белом свете, вышли из озера три брата. И спали братья подумывать, чего бы себе промыслить для корму — не было тогда ни ловушек, ни капканов, ни ружей.

Вот собрали братья в лесу хмелю, сплели из хмеля сети и спали сетями рыбу ловить. Наловили рыбы много и насытились.

Так и жили братья.

Стал большой брат упрекать братьев, что работают плохо.

— Едят много, а работать не хотят.

И повздорили братья.

— Не хочу с вами жить! — сказал середний брат и ушел в лес и там обернулся медведем.

— И я вас не хочу больше видеть! — сказал меньшой и ушел в землю, такой черный: обернулся в корень медвежий.

Остался один большой брат, он и был карагаз.

И живет человек на земле, убивает брата медведя, а медведь ест корень медвежий — брата.

ЛЮДИ И ЗВЕРИ.

МАНЕГРСКАЯ.

Прежде были огонь и вода.

Огонь и вода опустошили всю землю.

Потом Бог дал двух людей, брата и сестру, в тех самых землях, где живут теперь оро-чоны, далеко от китайцев.

И говорит сестра брату:

— Давай жить, как муж и жена, а то про-падем, и кончится человек на земле.

Брат заплакал, да раздумался и согла-сился.

Через год родился у них сын, потом две девочки и еще сын.

Большого сына звали Манягир, дочерей — Учаткан и Говагир, меньшого — Гурагир. А имя отцу-матери было Ойлягир, и детей, что родились после, назвали Ойлягир.

Так пошли пять родов бое.

*

Жили люди на земле, а ничего-то у них не было: ни оленей, ни лошадей, ни собак.

И говорит старуха-мать детям:

— Убейте меня, снимите с меня кожу и мясо, разделите кости. Кости разбросайте

ночью по всем сторонам. А, бросая говорить: «Это пусть будет лошадь, это олень это корова, это собака, это жена, это дочка!»

Младшая дочка Говагир заплакала, — нет, она такого не могла исполнить.

А ночью, когда все спали, больший сын Манягир убил мать-старуху и сделал так, как она наказала.

И вот по утру около стойбища послышался шум — лошади, олени, коровы, собаки и люди сходились со всех концов, как обещала старуха-мать.

Так пошли люди и звери.

ЛЮДИ, ЗВЕРИ, КИТАЙСКАЯ ВОДКА И ВОДЯНЫЕ.

МАНЕГРСКАЯ.

Жили-были семь братьев.

Раз случилась им большая удача, набили они много всякого зверя. И при шайбы наполнили сушеным мясом,—шайба это амбарчики на столбцах в тайге—на долго запасли себе корму.

И стали братья, кроме одного брата, ловить зверей живьем: с живого зверя осторожно, чтобы не повредить жил, сдерут шкуру и пустят так на волю.

Ну, зверь голый — смешно.

Смеялись братья, кроме одного брата.

И вот однажды, натешившись над зверями, пошли братья к шайбе за едой. А шайба, как живая, все дальше и дальше от них. Долго братья гонялись за ней, а она уходит и уходит, как живая. Стреляли из луков — ничем не остановишь.

И перемерли братья голодной смертью. Не помер только тот, что не обижал зверей.

Тогда шайба остановилась и накормила брата.

Было семь братьев, остался из семи один
И стало ему одному без братьев скучно.

И пошел он, куда глаза глядят, и так шел
он, шел и дошел до китайцев.

Ласково приняли его китайцы; один буду
предлагает, другой кукурузу, третий лепешки.
А он все отказывается: с рода не ви-
дывал такого, есть-то ему боязно.

«Ну, и чудак!» — подумали китайцы и ре-
шили угостить его китайской водкой.

Бое водку выпил, как воду, — три чашки,
а что потом было, ничего не помнит.

А по утру проснулся, видит, все те же
китайцы.

И говорят ему китайцы:

— Приводи к нам свой народ, у нас жить
хорошо!

И стали собирать его в дорогу: научили,
как печь лепешки, дали ему и буды, и водки,—
да с Богом.

С китайскими дарами добрался бое до тайги,
до своего дома, созвал народ и первым делом
угостил водкой — хотелось ему посмотреть,
что такое бывает с водки, какая ее сила,
сам ведь тогда у китайцев заснул всякую
память.

Выпили товарищи, пошумели, ну, один за-
драл, другой сказал, повздорили, помирились,
скакать принялись, наскочились, да тут же
и спать легли.

А как глаза продрали: он им лепешек, и
рассказал все о китайцах.

— Да, — говорят, — надо идти к богу, хо-
рошо живут.

И согласились: собраться всем и всей тайгою итти в землю дауров.

*

А жили в речке около стойбищ водяные человеки, и много они бое докучали. И чего толъко, бывало, ни придумывают, а извести их никакими силами невозможно.

Вот, чтобъ с водяными покончить, и придумали бое такую хитрость: сошлись они к речке, расселись на берегу и ну пить воду — один чашку выпьет, передаст другому.

Сами-то воды напились, а в чашку водки налили, и оставили эту чашку на берегу, да по домам.

И как опустел берег, водяные на берег и прямо за чашку — подсмотрели, как люди-то пили!

Чашка — немного, да много ли надо водяному: глотнет, и готово.

Осоловели совсем водяные, — ни рукой, ни ногой, да кто, как был, так и легли влжку.

Тут бое всех их до одного и переловили.

Вся тайга сошлась на такое диво.

А как поближе рассмотрели, и ничего особенного: человек, как человек, толъко что голышем — ни на нем ормуз, паголинков по нашему, ни на нем штанов, как матъ родила, кланяются.

Вот они какие — водяные!

КИТАЙСКАЯ ШАПКА.

МАНЕГРСКАЯ.

Было это в те далекие времена, когда на берега Зеи не ступала нога ни русского, ни китайца, и кочевали бое на оленях.

Бое, как и соседи их — ороchonы, и соседи их соседей — бирары и голъды, были большим народом — и не десятками, как нынче, а в тысячах считались.

Люди рождались и проходили по земле; как красная рыба кэта, узилась широкая тайга, и от тесноты вражда подымалась среди людей.

Брат пошел на брата. Род забывался, и каждый думал только о себе и жил по себе. Никто никого не хотел слушать. И своеволью не было никакого упора. Полуголовый и безголовый считали себя головою. Вся жизнь перевернулась, и никому житья не стало. Худые люди, а такие везде найдутся, дано ли тебе тысяча оленей или ни одного, худые люди стали обижать хороших. А жаловаться некому было, и заступы негде искать.

Жили бое крепко и дружно родом, а замутилось, и спали друг другу как самые первые враги.

Вот и сошлись кто помудрей да потолковей и решили, что без царя никак невозможно.

А был один самый зоркий — Касяки Ойлягир, взял он себе котомку с соболями на плечи, рогатую палку в руку, покликал серую свою собаку, умылся из родной реки Силирни-бирь и в путь — царя искать.

*

Долог и труден был путь.

На юг от Силирни-бирь шел Касяки. Немало встречалось разных людей по дорогам. И сначала понимали, что говорил он, а потом речь его стала другой, как таежный шум, как птичий клик, и сам он перестал понимать других. И только одно: как заговорит о царе — где ему найти царя? — всякий указывал дорогу.

Большие ноены — правители богатых родов, случалось, звали себя царями, но Касяки всегда угадывал обман и шел дальше. Царское имя — где найти царя? — было ему верным поводом.

Так дошел он с серой своей собакой до самого дома, где жил царь китайский.

А к царю его не пускают.

— Зачем и откуда? — не хотят пускать, хоть что хочешь.

Стало Касяки обидно:

«Как? Его не пустить! А вот возьмет он свою рогатую пальму, да пальмой!»

Царь услышал шум.

— Что такое?

Говорят царю про Касяки.

Подумал царь:

«Вот какой смелый, никого не боится один с своей пальмой на всех!» — и велит привести к себе Касяки.

И вошел Касяки к царю, положил перед царем подарки — сорок черных соболей.

Царь копнул мех, а из-под черного, как небеса, заголубело, — глаза у всех и разбежались: впервые увидели китайцы соболиную шкурку!

— Пришел царя искать, — сказал царю Касяки и помянул царю о смуте, о родной реке Силирни-бире, где от смуты не стало житья.

Выслушал царь Касяки, велел принести отдарки: золота и серебра.

Да Касяки-то ничего братъ не хочет: золото — он от роду не видел золота — и золото в глазах его, что медь, а серебро — и серебра он никогда не видел — серебро сошло за олово.

Подумал и кусочек серебра взял — на пули пригодится.

А царь подумал:

«Вот он какой: и смел, и щедр, и ничем не прельстишь — ни золотом, ни серебром. Да это и есть царь!»

И велел принести шапку: китайскую шапку

с синим корольком — шарик такой, и еще просто шариков горсть.

И когда подали царю шапку и шарики, царь надел шапку на Касяки.

— Ты будешь царь над бое, — сказал царь, — а эти шарики раздай приятелям, кому пове-ришь, и будут они твои полковники и урядники. А кто тебя не слушает, возьми палку, да палкой — послушают! По своей-то воле жить, надо, чтобы у человека было и тут, и там, — царь показал на голову себе и сердце и, подняв руки, распростер как крылья над головой, — и здесь вот!

*

В китайской шапке с синим корольком вернулся Касяки домой на Силирни-биру и объявил бое, что он царь их, и указал на шапку.

Подняли на смех. И кто поверит — китайская шапка с шариком, царь? — и такой галдеж пошел, прохода нет.

А Касяки позвал приятелей, роздал им шарики — сказал царское слово.

Полковники и урядники взяли палки.

И те, кто смеялся, живо поджали хвост — такой уж смерд человек, коли нет в нем нет ни тут, ни там, ни здесь вот!

Палка гуляла во всю, лупила смехунов чуть не до смерти.

Видят, Касяки большой начальник, и стали слушаться. А воры попрятались, горланье поутихло. И завелся настоящий порядок.

До глубокой старости царствовал над бое Касяки Ойлягир. А по смерти его шапка с

синим корольком перешла его сыну, а от сына внуку.

И по смерти полковников и урядников, приятелей Касяки, шарики их пошли их детям.

Так нарядились бое.

И доньне крепки их роды — Ойлягир, Манягир, Говагир, Гурагир, Учаткан — и привольней житья ни один народ не знает.

ЭЙГЕЛИНЪ.

ЧУКОТСКАЯ.

1.

Жил-был большой богач и было у него двое детей — сын да дочь.

Вырос сын и задумал старик сына женить. И по богатству старика не мало нашлось невест. Старик-то они по душе, да сыну-то неладны: поживет с молодой женой день, два и назад к родителям отправит. Уж старик рукой махнул и перестал сватать.

Говорит Эйгелин сестре:

— Сшей мне, сестра, десять пар обуви, наклади их полны жиром, за море иду.

Послушала сестра, приготовила брату десять пар мягких обуви, наполнила их оленьим жиром. Забрал он обувки, простился с домом и вышел.

*

Идет Эйгелин день, идет ночь,— не спит, не присядет. И только, когда башмаки запросят каши, остановится переобуться, поест.

Так и идет.

Встречает его белый ворон.

— Ты куда пошел, Эйгелин?

Иду за море.

— Не ходи, сгинешь.

Эна!

Говорю, не ходи: не пройдешь.

— Нет, все равно пойду.

До трех раз остерегал ворон и трижды был один ответ: стоял на своем Эйгелин.

Вынул ворон из-под левого крыла длинный большой нож.

— На, возьми этот булат на случай! — и улетел.

*

Идет Эйгелин день, идет ночь. На пути ему застава—полынья, да такая, конца краю не видно.

«Знать и вправду не пройдешь!»

И хоть назад иди.

Да вспомнил Эйгелин про воронов батас, отошел, разбежался, взмахнул батасом и, как на крыльях, спал на другой стороне.

Идет дальше — опять застава: впереди камень, как гора, и в снегу весь. Подошел поближе — камень зашевелился, не камень, белый медведь.

Взмахнул Эйгелин батасом да на медведя и духом вскочил зверю на спину. Кинулся медведь, заревел и ну бегать, скакать — хочет сбросить, да цепок Эйгелин, держится крепко. И обессилил медведь, батас его и кончил.

Отрезал Эйгелин у медведя из-за уха самый длинный волос, как чаут, аркан олений, скатал кольцом и себе в колчан.

Идет дальше. А впереди ему заставой белеет снежный длинный хребет. Ближе подошел — шевелится, и не хребет снежный, белый горноста́й.

Кинулся Эйгелин на горноста́я, вскочил на спину. Как бешеный, побежал горноста́й, завертелся, закувыркался, да сделать ничего не может и упал под острым батасом.

И у горноста́я, как у медведя, срезал Эйгелин из-за уха волос, скатал в кольцо да себе в колчан.

Идет дальше. Перешел море. Берегом идет. И опять застава — яр, да такой крутой; и снег между прогалин. Всмотрелся, а яр, как живой, не яр — пестрая гусеница.

И как на медведя, как на горноста́я, бросился Эйгелин на гусеницу, крепко уцепился. Билась, извивалась гусеница — и ничего не помогло. Он убил ее, как медведя и горноста́я. И у мертвой отрезал волос, скатал кольцом и в колчан к себе.

*

Идет Эйгелин день, идет ночь.

Много стоит руйт — больших кожаных юрт. Подошел поближе и в сторонке прилег.

У руйт молодежь пинала мяч. Ловко шла игра.

Из всех, особенно одна, с длинными косами до пят, приковала к себе его глаза: когда

она бежала, ея косы, как прутья, стояли за спиной, — так она была быстра.

И еще две другие показались Эйгелину: схожие с лица, они бежали все рядом, не перегоняя и не отставая друг от дружки, словно сшиты.

«Вот которую одну из этих схожих и возьму в жены!» — решил Эйгелин.

И когда стемнело, он заметил, когда пошли сестры, да за ними следом.

И нагнал у руйты.

И когда одна из них ступила в руйту, он схватил за руку другую. Та оглянулась и ввела его с собою в руйту.

— Вот наш гость!

*

В руйте сидел старик. Стал расспрашивать: куда и откуда?

— Из-за моря, — сказал Эйгелин.

Ну, и даль! И как это ты умудрился?

Эйгелин велел принести колчан — за дверью он его оставил.

И когда принесли колчан, вынул медвежий волос.

Посмотрел старик, покачал головой.

— Ну, и бедового ж ты зверя уходил! Кому доводилось на море ходить, сети метать, встреча с таким — гибель: много кого так и не вернулись.

Эйгелин достал волос горностая.

— А этот еще лютее, — сказал старик, — увидит и готово, все равно, где хочешь на-

стигнет, не увернешься. Не мало погубил народа,

Эйгелин показал волос гусеницы.

Ну, а это уж, как сам страх: кому, охотясь за диким оленем, случалось встречаться, живым никто еще не уходил! — старик посмотрел пылливо, — зачем ты к нам пришел?

— Так, — сказал Эйгелин.

— За хозяйкой?

— Да.

— Вот мои две, бери любую. Только не выйдет дело. Такого, как ты, всякий заметит. Помяни мое слово: тебя женим на себе высокая с длинными косами.

— Ну, нет, я хочу взять твою дочь.

— Мало, что хочешь! Очень мне жаль тебя, а не будет по твоему.

В руйту вошла — легка на помине! — та длиннокосая, принесла новую одежду: от шапки-малахая до обуви все белое без единого черного волоска и деревянное блюдо с мясом.

— Не хочу! — отстранил Эйгелин.

Ничего не сказав, мигом умчалась и так же мгновенно вернулась в руйту, но уже с черной одеждой и поставила перед Эйгелином блюдо с оленьим жиром.

А у старика еще варится, не поспел.

Эйгелин вынул нож и взялся за еду.

Запечалился старик, да уж поздно.

Эйгелин съел все блюдо.

— Ну, обувайся, пойдем ко мне! — сказала длиннокоска.

— Веди, разве я знаю куда! — поднялся Эйгелин.

— И они пошли.

2.

Она показала на большую руйту.

— Вот моя!

И встала.

И он остановился.

— Побежим на перегонки: кто первый придет, тот и будет главным. Только знай, прибежишь первым, прыгай прямо в теплый полог, не зевай.

И они побежали.

И обогнал Эйгелин — первым прыгнул в руйту.

Две собаки, прикованные железными цепями у входа, рванулись на него и оторвали у него полы.

Следом вошла она в полог.

И трое суток провели они вместе, не выходя из полога.

В последнюю ночь слышит Эйгелин, шипит что-то. Высунулся, осмотрелся: на пологу черепа человечьи, руйта железная, а за деревянным столбом рассованы трупы и все, как на подбор, — молодые, сильные, как сам он.

«Тут и мне смерть!» — подумал Эйгелин.

И не убежишь: вход сторожат собаки, а отверстие вверху и высоко и узко.

*

На утро говорит ведьма:
— Ты соскучился? Хочешь, пойдем пинать мяч?

— Пойдем.

И пошли.

Собралась молодежь, завели игру.

И никто не мог справиться с ведьмой: когда она бежала, косы, как прутья, стояли за спиной, так была быстра.

Попрежнему сестры, дочери старика, неразлучно бегали вместе, словно сшиты.

Но всех обгонял Эйгелин. И никто не мог пнуть мяч так далеко, как он.

Стемнело.

— На, возьми одежду, иди вперед, я догоню! — сказал Эйгелин жене.

И когда та скрылась, он подошел к сестрам.

— Скучно мне, — сказал он сестрам, — не спите по ночам, пусть одна из вас караулит. Что-то случится, чую.

*

Живет Эйгелин с женою. Без нее ни шагу. Одному все равно от собак не выйти и не войти в руйту. Мало на людях, больше в теплом пологу. И все скучнее и скучнее ему в теплом пологу.

— Ну, ты совсем заскучал. Давай играть хоть в пятнашки.

— Давай.

Тогда она ударила его и отскочила. Он за ней, нагнал — не увернешься! — и сам ударил.

И пошла игра...

Играют ночь, играют день, и еще день и еще ночь.

Стала она уставать, нет-нет да и задремлет. А ударит он ее, она встрепенется и опять уснет. И ударом он ее опять разбудит, но она уж не может ему отвечать.

На третью ночь, как убитая, заснула она, и что он ни делал, не мог ее поднять: бил, толкал, тряс — ничего не берет.

И сам умирался.

Прилег — скучно ему.

*

В пологу у задней стены против входа чуть светила лампа.

И видит Эйгелин — полог начинает подыматься. Шелохнулся он, и тень, как в воде рыбка, плеснула.

Лежит Эйгелин, не шевельнется, в щелку смотрит. И вот опять поднялась тень над лампой. Всмотрелся — старая, сморщенная старуха, она нагнулась к нему, а в руке ее, как серп, пекуль.

Тут он шевельнулся, и старуха бесшумно метнулась, как рыба.

«Вот она, моя погибель!» — Эйгелин поднялся и к жене.

Но сколько ни будит, она спит, не слышит.

И взял он батас, отрезал жене ее длинные косы, выстриг голову, надел ее платье, а ее нарядил в свое, перенес на свое место

и так ее положил, чтобы не видно было лица, сам же прикрепил себе ее косы и лег на ее место.

Лежит Эйгелин, полузакрывает глаза, не шелохнется.

И вот показалась старуха, костлявая, — пекуль в руке. Постояла, посмотрела на спящих, шагнула — и еще раз шагнула. — Нагнулась костлявая над его переодетой женой — задрожал пекуль в костлявой руке. Протянула руку да назад: или ошиблась? Что-то бормочет, — не верит? И опять нагнулась, долго смотрела и вдруг как ударит.

Только вскрик и кровь залила полог.

Кинулся Эйгелин, выскочил в руйту, прыгнул и прыгнул кверху к дымоходу. И только что ухватился за шест, звякнула цепь — сорвалась собака да его за ногу.

Висит Эйгелин, высунулся по пояс, держится крепко, а собака на его ноге висит.

И закричал Эйгелин.

*

Не спала одна из сестер, караулила. Слышит крик, разбудила сестру, да к отцу.

— Гость кричит, не случилось ли что?

Вскочил старик, схватил копье и поднял народ.

Всем народом побежали к железной руйте.

Эйгелин висел на руках по пояс над руйтой — собака держала его за ногу, не отпускала.

Старик залез на руйту, спустил по ноге Эйгелина копье, заколол собаку.

И выбрался Эйгелин на волю.

Убили и другую собаку да в руйту. А там, за пологом, за лампой, сундук. Открыли сундук — старуха: на корточках сидела костлявая — пекуль в руке, и вyla.

Живо порешили старуху, принялись за руйту, разбили железную. Много мехов нашли и всяких богатств — дорогие бобры, россوماхи.

3

Живет Эйгелин у старика в руйте.

Две дочки у старика, была и еще по-старше, да незадолго до прихода Эйгелина померла и мертвая валялась в тундре, брошенная зверям и птицам.

Раз по утру говорит старик Эйгелину:

— Неладное что-то во сне мне снилось. До сей поры лежит моя дочь, никем не съедена, — не хорошо. Ты бы ее оживил!

— Да разве я могу такое сделать?

— А что ж? Ты прошел море, убил медведя, горноста, гусеницу, ты победил столько напастей!

Задумался Эйгелин: а и в самом деле не испытать ли ему силу?

И когда настал вечер, взял он бубен, и начал камлать. И долго колотил он в бубен, потом гаркнул, как ворон — и мертвая сестра влетела в полог. Кинул он бубен и к мертвой: тряс и ворочал — и мертвая зашевелилась и ожила.

Живет Эйгелин у старика в руйте.

Две дочки у старика и претбья, что оживил Эйгелин, а была и четвертая, самая меньшая, ее старик не показывал.

Говорит старик Эйгелину:

— Много ты нам сделал добра, от многого ты нас избавил. Теперь можем спокойно ходить на море и в горы, нас изводит больше некому и наши сыновья будут жениться, наживать большие семьи. Пора и тебе жениться, да и домой идти на свою сторону.

— Ладно, — согласился Эйгелин.

А прогони наперед олений табун, — сказал старик.

Эйгелин пошел за табуном.

А старик сделал сани и балок — возок крытый. Все приготовил к кочевке. И когда Эйгелин пригнал табун, старик разделил табун: половина ушла в гору, другая — осталась у чумов.

— Это твоя и будет! — показал старик, — теперь кочуй!

Смотрит Эйгелин, а та старшая дочь старика, которую оживил он, у саней хлопчет, готовится к отъезду и такая проворная, одно горе — коса и крива.

*

Идут и идут — путь за море далекий.

Не покладая рук, работает кривая: и ставит и собирает руйту и весь олений караван на ней, — и хоть бы одно доброе слово от Эйгелина!

Как-то Эйгелин был в табуне, а кривая влезла в балок, где тайно ехала с ними самая младшая сестра, которую скрывал старик от Эйгелина.

— Надо тебя ему показать,— сказала кривая, — тогда он и со мной будет лучше! Больше сил моих нету.

Сестра согласилась.

А вечером говорит Эйгелину кривая:

— Не буду я ставить руйту, больно погодно. Ты ложись в балок, а я пойду в табун. И ушла.

Сидит один Эйгелин, горько задумался о своей судьбе несчастной,— он вернется домой и все будут над ним смеяться: косая, кривая!

И с чего это она выдумала, чтобы лег он в балок, и совсем не так уж погодно!

Не хотелось ему и с места прогаться, все было постыло.

И все-таки встал он, повернул балок дверьми от ветра. Странно: больно тяжелый! Заглянул—а там сундук. Открыл сундук и понял ничего не может: в сундуке горит лампа, а около лампы сидит, да такая, никогда и не снилась ему такая. Он в сундук и всю ночь оставался, не выходил на волю.

По утру приходит из табуна кривая и не узнать Эйгелина: какой к ней ласковый и добрый и во всем помогает!

Кончился путь. Вот и родная сторона.

Услыхали люди, что Эйгелин вернулся, привез жену из-за моря, и понаехало народу со всех концов.

Встретила Эйгелина сестра. Старик-то не дождался сына, помер. Обрадовались друг другу.

Велил Эйгелин на радостях убить оленей, чтобы гостей угостить, а последнего убить оленя, чтобы помазаться свежей кровью — станет он венчаться.

А сестре приказал настлать от возка до самого полога тюленей, а сверх покрыть бобрами и росомахами.

И все было исполнено.

Кричит кривая:

Торопитесь мазаться, кровь стынет!

А сама с сестрой Эйгелина пошла к возку, и вывели они под руки невесту.

И как увидели парни такую, точно с ума посходили: кто дотронулся до ее руки или случайно коснулся одежды, кто прямо посмотрел ей в глаза, тот затрясся на месте, а некоторые тут же на месте и померли.

Пришлось отложить венчанье до другого дня, а невесту пока что спрятать.

И когда раз'ехались гости, повенчался Эйгелин и зажил счастливо с молодой женой.

А кривая заняла в доме место старшей жены: уважал ее и любил Эйгелин, как мать родную.

ПРИМЕЧАНИЯ

☞ Сакха—так сами себя называют якуты—народ турско-татарского племени, скотоводы, живут по Лене реке и ее притокам, и по Яне реке, и по Колыме реке до Ледовитого океана, крещенные шаманисты.

По Памятной книжке Якутской области к 1 января 1909 г. якутов числилось до 242.000 человек.

В основу положены: сказка, сказание и сказ, которые передал мне ученый сакха Семен Андреевич Новгородов с Татты реки, притока Алдана.

*

☞ Карагасы—отуреченный народ самоедской ветви угро-финского племени, охотники, живут в Саянских горах по рекам—Оке, Уде, Бирюсе и Кану, крещенные шаманисты.

Насчитывают карагас до 405 человек.

В основу положены сказки, записанные Д.м. К. Соловьевым: «Откуда происходят карагасы» и «Карагасы должны промыслять». А сказывал сказки—и «хорошую» и «нехорошую» — Николай Савельич, по произвищу Тутарь, одноглазый старик карагас—глаз олень ему выбил, а лет ему за восемьдесят.

*

☞ Боё—так сами себя называют манегры—народ пунгузского племени, охотники, когда-то оленные кочевники, кочуют на лошадях по правому берегу Зеи от Перы до Депа и от Перемыкина до Куматы, шаманисты.

В 1913 г., по свидетельству Д.м. К. Соловьева, участника экспедиции в Амурскую область, манегров насчитывали 132 человека.

В основу положена «Сказка о происхождении манегров», безымянная сказка и «Как манегры порядок у себя завели» по записи Д. М. Соловьева, а сказывал сказки Туазё Учаткан, горбатый и хромой боё, на реке Дене.

•

☞ Ораведлат—так сами зовут себя чукчи—оленоводы и собаководы, живут от Берингова моря до реки Индигирки и от Ледовитого океана до рек Анадыра и Анюя, их около 6000 человек, шаманисты.

В основу положена сказка, записанная И. П. Толмачевым в чукотскую экспедицию 1909 г. на Чукотском побережье Ледовитого океана, а сказывал сказку Д. А. Бережнов колымчанин русский, а ему сказал ее летом 1909 г. на складе в устье р. Чуана чукча Номульгин, кочующий на нижнем Чуане.

Запись И. П. Толмачева напечатана в Жив. Стар., 1912 г., вып. II—IV, Пгр., 1914.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Про крота и птичку.	7
Стожары.	9
Серкен-Сехен.	11
Судьба.	12
Три брата.	14
Люди и звери.	15
Люди, звери, китайская водка и водяные.	17
Китайская шапка	20
Эйгелин.	27

КНИГИ АЛЕКСЕЯ РЕМИЗОВА.

- ПОСОЛОНЬ. Сказки. С рис. Н. П. Крымова. Изд. «Золотое Руно». М. 1907 (*Распродано*).
- МОРЩИНКА. Сказка. С рис. М. В. Добужинского. Изд. «Шиповник». Спб. 1907 (*Распродано*).
- ЛИМОНАРЬ. Апокрифы. Изд. «Орбис». Спб. 1907 (*Распродано*).
- ПРУД. Роман. Изд. «Сириус». Спб. 1908 (*Распродано*).
- ЧАСЫ. Роман. «Еос». Спб. 1908. (*Распродано*).
- ЧЕРТОВ ЛОГ. Рассказы. Изд. «Еос». Спб. 1908 (*Распродано*).
- РАССКАЗЫ. Изд. «Прогрес». Спб. 1910 (*Распродано*).
- СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. В 8-ми томах с портр. автора, с рис. М. В. Сабашниковой. Изд. «Шиповник»—«Сирин». Спб. 1910—1912 (*Распродано*).
- ПОДОРОЖИЕ. Рассказы. Изд. «Сирин». Спб. 1913 (*Распродано*).
- ДОКУКА И БАЛАГУРЬЕ. Сказки. Изд. «Сирин». Спб. 1914 (*Распродано*).
- ВЕСЕННЕЕ ПОРОШЬЕ. Рассказы. Изд. «Сирин». Пгр. 1915 (*Распродано*).
- ЗА СВЯТУЮ РУСЬ. Рассказы. С рис. Н. К. Рериха. Изд. «Отечество». Пгр. 1915 (*Распродано*).
- УКРЕПА. Сказки. Изд. «Лукоморье». Пгр. 1916 (*Распродано*).
- СРЕДИ МУРЬЯ. Рассказы. Изд. «Северные дни». М. 1917 (*Распродано*).
- НИКОЛИНЫ ПРИЧТИ. Сказания. Скл. изд. «Парус». Пгр. 1917 (*Распродано*).

- РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ. Сказки. Изд. «Скифы». ПБ.
1918.
- СТРАННИЦА. Повесть. Изд. «Революц. Мысль». ПБ.
1918 (*Распродано*).
- О СУДЬБЕ ОГНЕННОЙ. С рис. Е. Туровой. Изд. «Сего-
дня». Пгр. 1918 (*Распродано*).
- СНЕЖОК. Сказка. С рис. Е. Туровой. Изд. «Сегодня».
Пгр. 1918 (*Распродано*).
- КАВКАЗСКИЙ ЧУРЕК. Сказки. Изд. «Алконост». ПБ.
1919.
- СИБИРСКИЙ ПРЯНИК. Сказки. Изд. «Алконост». 1919.
-

КАТАЛОГ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА «АЛКОНОСТ».

АЛЕКСАНДР БЛОК.

«Соловьиный Сад». *(Распродано).*

«Двенадцать» с рис. Ю. Анненкова. *(2-ое изд. распродано).*

«Капилина». Страница из истории мировой революции.

«Россия и Интеллигенция». Статьи *(Печатается).*

«Песня судьбы». Драматическая поэма *(Печатается).*

«Ямбы». Современные стихи *(Печатается).*

«Молнии искусства» (Итальянские впечатления) *(Готовится).*

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ.

«Христос Воскрес». Поэма.

«На перевале».

1. Кризис жизни.

2. Кризис мысли.

3. Кризис культуры *(Печатается).*

4. Кризис слова *(Готовится).*

«Путевые заметки».

1. Сицилия *(Готовится).*

2. Тунисия *(Печатается).*

3. Радес *(Готовится).*

4. Мусульманство и Культура в Тунисии *(Печатается).*

5. Египет *(Готовится).*

«Королевна и рыцари». Сказки *(Печатается).*

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ.

«Младенчество».

«Прометей». Трагедия *(Печатается).*

«Скрябин» *(Печатается).*

Л. Д. ЗИНОВЬЕВА-АННИБАЛ.

«Нет!» Рассказы Посмертное издание под ред. Вячеслава Иванова.

«Певучий осел». *(Печатается)*.

«Лирическое в прозе и стихах» *(Готовится)*.

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ.

«Сибирский пряник». Сказки *(Печатается)*.

«Кавказский чурек». Сказки *(Печатается)*.

«Цепь златая». Повести *(Печатается)*.

«Бисер малый». Присловцы *(Печатается)*.

«Скрижали». Заветные сказки. Издание по подписке *(Печатается)*.

АЛЕКСЕЙ КИРИЛЛОВ.

«Записки Всеволода Николаевича».

ВИКТОР ГЮГО.

«Легенда о прекрасной Пекопене и о прекрасной Болдуур». Перевод А. Кублицкой-Пиотух. Предисловие Александра Блока *(Печатается)*.

Р. ИВАНОВ-РАЗУМНИК.

«Александр Блок и Андрей Белый». Статьи *(Печатается)*.

«ЗАПИСКИ МЕЧТАТЕЛЕЙ» № 1.

При участии: Александра Блока, Андрея Белого, Вячеслава Иванова, Вс. Э. Мейерхольда, Алексея Ремизова, Вл. Н. Соловьева. ред. Александр Блок *(Печатается)*.

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ.

«Электрон» *(Печатается)*.

Цѣна 10 руб.

С К Л А Д Ъ И З Д А Н І Я :
ПЕТРОГРАДЪ, К-ВО „ОГНИ“
7Я РОТА, 26, Т. 252-56.
МОСКВА, К-ВО „ЗАДРУГА“
М. НИКИТСКАЯ, 29.
